

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА РОМАНА «КЫСЬ» Т. ТОЛСТОЙ

Касимова Мадина Набишер кизи

Наманганский Государственный Университет

преподаватель кафедры русского литературоведения.

Тел.: 93 947-29-97 e-mail: madina-kasimova-92@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается жанровое своеобразие романа Татьяны Толстой "Кысь", вызвавшего литературоведческий интерес к жанру антиутопии.

Ключевые слова: антиутопия, роман, Т.Толстая, Кысь, современная литература.

ABSTRACT

This article discusses the genre originality of Tatyana Tolstaya's novel "Kys", which aroused literary interest in the genre of dystopia.

Keywords: dystopia, novel, T. Tolstaya, Kys, modern literature

ВВЕДЕНИЕ

Татьяна Толстая была фактически признана одним из самых ярких авторов нового литературного поколения. На сегодняшний день объем написанного о Толстой в несколько раз превышает объем ее прозы. Интересно, что Толстая поразила читателей не содержанием своих рассказов, а изысканной сложностью и красотой их поэтики. Обращает на себя внимание демонстративная сказочность мира ее произведений. Главная особенность этого мира в том, что фантастичное здесь плавно переходит в естественное, при этом, правда, теряя символ «чуда». Чудом же здесь является естественное для читателя.

Дебют Татьяны Толстой в 1983 году сразу же обратил на себя внимание критики. Ее первый сборник рассказов, опубликованный в 1987 году, вызвал шквал рецензий в России и за рубежом. Роман «Кысь» – это одно из наиболее ярких ее произведений, споры о котором продолжаются до сих пор.

Роман «Кысь» пытается ответить на самые актуальные проблемы современного общества и культуры, которые еще не нашли своего разрешения.

«Татьяна Толстая побрызгала на похороненный и оплаканный жанр романа волшебной водой, привезла его из Америки домой, и оказался он совершенно живой. Этот роман так вкусно написан, что хочется съесть каждую фразу, урча и причмокивая». Так отзывается Борис Акунин о первом,

но при этом довольно успешном (Книжный Оскар в номинации «Проза 2001») романе Т.Толстой «Кысь».

И действительно, первое, что привлекает читателей в романе, так это живой, современный и оригинальный язык, которым он написан. Т.Толстая использует не только многочисленные языковые средства для характеристики героев и их речи, но и сам язык. В романе можно встретить огромное количество авторских неологизмов, которые так или иначе показывают характерные языковые черты каждой из групп населения города, в котором происходят события романа.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Главной реальностью ее текстов является автор. Авторское "я" Толстой реализуется в "празднике языка", музыкальности, ритмической организованности прозы, метафоричности. Автор стоит над всем и вся – это Творец, лишенный каких бы то ни было признаков пола.

Роман "Кысь" появился после сравнительно долгого молчания писательницы. Роман собрал многочисленную критику, очень разнонаправленную по своим оценкам. На наш взгляд, этот факт служит главным доказательством того, что роман "Кысь" состоялся и является значительным событием современной литературы. В этом произведении – нормальные люди и нравственные уроды, но смысл произведения в очищении, в стремлении к другой, лучшей жизни.

Такие исследователи современного литературного процесса, как С. Тарощина, В. Бушин, Е. Ованесян, обвиняли Т. Толстую в болезненном пристрастии к немощи, старости, смерти, в искажении традиций классической литературы, ее гуманистического пафоса, в пропаганде вредоносных идей.

Другая группа критиков – В. Курицын, Н. Иванова, С. Носов – внимательно отнеслась к творчеству писательницы. Своеобразие толстовских рассказов видели в "бесслезной традиции" (М. Золотоносов), в перепутывании "важного и неважного" (Е. Невзглядова), в отказе "от постулатов жизнеподобия" (С. Чупрынин). Внимательное прочтение рассказов Т. Толстой привело критиков к заключению, что это – "другая" литература, со своими внутренними законами, по которым и нужно о ней судить.

Многим, писавшим о «Кыси», вспомнилась формула «энциклопедия русской жизни» и не только потому, что главы романа обозначены буквами старорусской азбуки, но и потому, что, как сформулировал Б. Парамонов,

«Татьяна Толстая написала – создала – самую настоящую модель русской истории и культуры. Работающую модель. Микрокосм».

Впрочем, далеко не у всех книга Толстой вызвала аналогичный энтузиазм. А. Немзер наиболее отчетливо выразил точку зрения оппонентов «Кыси» в своей рецензии, увидев в романе только коктейль из «мастеровитой имитации Ремизова и Замятина», перепевов Стругацких, «сорокинского смакования мерзостей» и газетного «стеба». А К. Степанян, противопоставляя «Кысь» рассказам Толстой, утверждает, что в романе «точка зрения автора переместилась: она стала наблюдать своих героев снаружи, они стали для нее объектом, объектом иронии. Отсюда и «головное» построение ее антиутопии (и по замыслу, и по структуре), и холодная издевка над узнаваемыми или типизированными личностями, ситуациями, образами отечественной истории, и бесцветный, лишь иногда сверкающий блестками-напоминаниями о прежнем великолепии, язык» .

Основной стилевой признак романа «Кысь» – это его интертекстуальность. Об интертекстуальности романа пишут Б. Парамонов, А. Немзер и другие критики. Как и в рассказах, в романе «Кысь» Т. Толстая использует все имеющиеся формы интертекстуальности, и этот факт освещается исследователями в трех аспектах: 1) определение жанра романа; 2) апелляция его к разным формам фольклора; 3) отражение интертекстуального заимствования в языковом плане.

Жанр романа определяется критиками Ю. Латыниной и др. как «антиутопия». Одним из оснований служит тот факт, что Т. Толстая описывает жизнь после катастрофы, а «писать про жизнь после катастрофы или возле катастрофы в XX веке привычно, и сочинения эти традиционно числятся по ведомству научной фантастики или ее почти независимого подвига, именуемого антиутопией». По мнению других критиков, роман «Кысь» не является «чистой» антиутопией. Например, Н. Иванова заявляет, что Т. Толстая «не антиутопию очередную пишет, а пародию на нее», что она соединила антиутопию «интеллектуальную» с русским фольклором, со сказкой, «научную фантастику» со «жгучим» газетным фельетоном: то есть массолит с элитарной, изысканной прозой». Н. Лейдерман и М. Липовецкий прямо утверждают, что Толстая не прогнозирует будущее, поэтому «Кысь» никакая не антиутопия. Толстая по их мнению, блистательно передает сегодняшний кризис языка, посткоммунистический распад иерархических отношений в культуре, когда

культурные порядки советской цивилизации рухнули, погребая заодно и альтернативные, скрытые внутри антисоветские культурные иерархии.

Критик Л. Беньяш также определил жанр романа как антиутопию, роман-предупреждение.

Некоторые критики считают, что сам жанр романа двойствен, амбивалентен. Он может быть как утопией, так и антиутопией, смотря по тому, какие проблемы рассматриваются в романе.

Мы же считаем, что роман «Кысь» – это все-таки антиутопия. В переводе с греческого «утопия» означает «место, которого нет». В толковом словаре С.И. Ожегова это слово определяется как «нечто фантастическая; несбыточная, неосуществимая мечта». Можно ли описываемое в романе назвать мечтой? Мы думаем, что вряд ли мир мутантов и «перерожденцев» можно считать мечтой. Задача антиутопии – предупредить мир об опасности, предостеречь от неверно выбранного пути. В романе Т. Толстой содержится несколько таких предупреждений. Первое из них – предупреждение экологическое. В России произошел Взрыв. (Книга писалась начиная с 1986 года, поэтому естественно возникает ассоциация с Чернобыльской катастрофой.) Лет через двести-триста после этого читатель попадает в некое небольшое поселение, окруженное крепостным тыном со сторожевыми башнями. В поселении живут люди-мутанты – похоже, бывшие москвичи и их потомки. Где-то за пределами поселения обитают точно такие же люди-мутанты. « А кто после Взрыва родился, у тех последствия другие, – всякие. У кого руки словно зеленой мукой обметаны , у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще чего». Причина таких «чудес» – легкомысленное поведение людей, «будто люди играли и доигрались с АРУЖЬЕМ». Здесь содержится прямое указание на актуальную проблему современности – гонку вооружений, накопление атомного оружия, проблему нестабильности мира.

Вторая, не менее значимая проблема, поднимаемая в романе «Кысь» прежде всего интересна содержательная сторона. Главная проблема романа «Кысь» – поиск утраченной духовности, внутренней гармонии, потерянной преемственности поколений. С этим мнением трудно не согласиться, так как судьба главного героя в романе связана с поиском «азбуки» – того настоящего смысла жизни, который ему так и не удастся найти. Тесно связана с этим и проблема исторической памяти. Никита Иванович, расставляющий столбы с табличками «Арбат», «Садовое кольцо», «Кузнецкий мост» пытается таким образом сохранить для потомков частичку прошлого, памяти, истории.

Критик Б. Тух считает, что в романе «Кысь» можно выделить три «кита»: проблема идеологии, культуры и интеллигенции.

В романе «Кысь» Т. Толстая также поднимает проблему интеллигенции, проблему, существенную для любого народа.

По нашему мнению, в романе «Кысь» можно выделить три категории представителей интеллигенции. Первую категорию представляет Никита Иваныч. Они восстанавливают культурные памятники и проповедуют прошлые духовные ценности. Их статус и влияние в обществе заметны, но, тем не менее, их судьба predetermined: их сжигают в конце романа. Перед нами своеобразное иносказание, обозначающее отношение к интеллигенции в любую эпоху. Ко второй категории можно отнести «голубчиков» – интеллигенты нового поколения, которые хранят «старопечатные» книги и выражают сомнение в правоте официальной литературы, например, Варвара Лукинишна. Их судьба тоже трагична: Варвару Лукинишу убивает Бенедикт, чтобы отнять у нее книгу. К третьей категории относится Бенедикт (если можно называть его интеллигентом) и подобные ему люди. Это те, которые якобы любят искусство, а на самом деле, лишены живого чувства, чувства «братства, любви, красоты и справедливости». Их всегда использует власть в качестве орудия для достижения собственных целей.

Роман «Кысь» – это антиутопия особого рода. Это не социальная и не постъядерная, а скорее национальная антиутопия. Русский логоцентризм образует главный нерв романа. Все с начала до конца крутится вокруг Слова. Бенедикт хочет Слово понять, Книгу прочесть. По Слову жизнь строить. В этой связи вспоминается цитата из «Новой московской философии» В. Пьецуха: «Нет решительно ничего удивительного в том, что у нас куда жизнь, туда и литература, а с другой стороны, куда литература, туда и жизнь, что у нас не только по-жизненному пишут, но частью и по-письменному живут».

Все в романе какое-то посконно русское. Городской пейзаж – деревянные черные избы, крытые соломой, с окнами, медвежьим пузырем заделанными; сани, запряженные тройкой, правда, не лошадей, а перерожденцев в валенках; дозорная башня и Красный Терем, окруженный тройным частоколом. А вокруг русские поля, леса бескрайние, степь да степь кругом. А внутри избы – деревянные полати, кадушки, долбленные из дерева миски, ложки. В центре избы стоит печь, в которой надо постоянно поддерживать огонь. Щели в полу, а под полом мыши – основа экономики Федор-Кузьмичска.

Социальная основа города – семья, где властвуют русские домостроевские принципы. И идеал женской красоты соответствует русскому средневековью: “глаза темные, коса русая, щеки – как вечерняя заря, когда к завтраму ветра ожидаем, – так и светятся. Брови – дугой, али, как теперь будет велено звать, коромыслом”. Сам герой в соответствии с представлением о русском национальном типе – красавец с русой бородой, мастер на все руки: и избу срубить, и печь сложить, и баньку спроворить, и зайца поймать и шапку из него сшить. Да еще и писать красиво умеет.

Все пронизано русским духом, есть отечество, от которого никуда не денешься, есть государь Федор Кузьмич, которому об пол челом бьют. Только еще (или уже?) нет скрепляющей нацию русской веры. Потому верят голубчики во всякую нечисть поганую: леших, русалок, Кысь какую-то.

Главы названы буквами русского алфавита, от аза до ижицы. Слова иноязычного происхождения приобрели народную форму (калидор, каклета, канпот, тубарет). Т.Толстая создает неологизмы, описывающие мутировавшую среду (деревья клель и дубельт, съедобные растения хлебеда и грибыши, универсальная ржавь, червыри). Многие слова изменили семантику: люди вместе и порознь стали называться голубчики, деньги – бляшки, чиновники – мурзы, голуби – блядуницы. И надо всем этим властвует Кысь. Что это? Или кто это? Животное, неведомое существо, каким представляет себе ее Бенедикт? Состояние души, которую мучает непонятная тоска, изводит кручина? Изнуряющий животный страх? Тесть говорит, что Бенедикт и есть Кысь, но чего не скажешь в порыве гнева! А может, есть в этом какая-то правда? Ведь был хвостик у Бенедикта. Наверное, внутри каждого русского сидит кысь, терзающая душу ностальгией. Ведь говорят, что никакому другому народу это чувство не присуще. Значит, Кысь – тоже примета национальной самобытности.

Трудно согласиться с Н. Ивановой, считающей, что Т.Толстая написала не антиутопию, а пародию на нее. Роман, как видно из анализа, соответствует всем параметрам классической антиутопии. Если это и пародия, то не на литературу, а на жизнь последних 15 лет. В нем постоянно просвечивают аллюзии на действительность.

Роман представляет собой историю моральной, интеллектуальной, духовной деградации общества. Т.Толстая равно иронична в отношении и западников, и славянофилов. Их споры нелепы и бесплодны. Лев Львович видит спасение в помощи Запада, его оппонент скептически относится к упованиям на Запад, надеется на русский дух. Для Льва Львовича Запад – это

кофе, мощные дороги. “Вспомните, Никита Иваныч... Рубашки с запонками. Конференции...

- Конфронтации...
- Гуманитарный рис шлифованный...
- Порновидео...
- Джинсы...
- Террористы...
- Запад нам поможет!
- Сами должны, собственными силами!”.

Т.Толстая гиперболизирует, сгущает, соединяет несколько явлений в одно, но не противоречит правде жизни. Можно, конечно, усмотреть, например, в Преподобном Старике-Истопнике, выдыхающем огонь и в конце устраивающем вселенский пожар, Сахарова, но это ли важно. Важно, что с этим пожаром заканчивается архаичная национальная история, и, возможно, начнется история действительная, не анти- или утопическая. Ведь воспаряют души Преподобных, остается Бенедикт, который пушкина любит “просто до невозможности”. Может, и Пушкина полюбит.

Т.Толстая создает антиутопию в типичных постмодернистских параметрах. Во времени-пространстве этого мира сосуществуют осколки мифологического, фольклорного, книжного сознания, вклинивающиеся в первородное естественное ощущение человеком действительности, им же создаваемой (разыгрываемой). Игра носит грубый (раздраживание кохинорцев) или откровенно бутафорский (украшение писчей избы перед приходом Федора Кузьмича) характер.

Т.Толстая дважды обращается к постмодернистскому алфавитно-каталожному принципу. Во-первых, весь роман – это то ли энциклопедия, то ли словарь, в котором каждая глава стоит под определенной буквой алфавита. Этот алфавит предлагается выучить не только Герою, чтобы понять жизнь, но и читателю. Во-вторых, внутри романа-алфавита располагается свой каталог – перечень библиотечных книг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман строится из чужого слова – художественных произведений, указов, народно-поэтического творчества. В “Кыси” демифологизируются национальная идея и национальные святыни, переосмысливается национальная история и патриархальной Руси, которую идеализируют почвенники, и

новейшего времени, на которую делают ставку западники. В целом роман «Кысь» – это национальная антиутопия в постмодернистском ключе.

REFERENCES

1. Беньяш Е. Дунин сарафан (рецензия на роман Т. Толстой «Кысь») // Дружба народов. – 2001. – № 2. – С. 215-231.
2. Иванова Н. И птицу паулин изрубить на каклеты (рецензия на роман Т. Толстой «Кысь») // Знамя. – 2001. – № 3. – С. 12-15.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Постмодернистская проза. Татьяна Толстая // Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. – М.: Академия, 2003. – Т. 2. – С. 467-478.
4. Липовецкий М. След Кыси. О романе «Кысь» Татьяны Толстой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rodichenkov.ru/critic/tatiana_tolstaya/
5. Немзер А. Азбука как азбука. Татьяна Толстая надеется обучить грамоте всех буратин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.guelmen.ru/slava/kis/nemzer.htm>
6. Немзер А.С. Литературное сегодня: О русской прозе: 1990-е. – М.: НЛО, 1998. – 292 с.
7. Парамонов Б. Застой как культурная форма: О Т. Толстой // Звезда. – 2000. – № 4. – С. 234-238
8. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – М.: Подкова, 2001. – 320 с.
9. Черняк М.А. Модель мира в современной антиутопии: Ю. Даниэль, В. Войнович, Л. Петрушевская, В. Маканин, Т. Толстаф, Д. Пригов // Черняк М.А. Современная русская литература. – СПб., М.: САГА: ФОРУМ, 2004. – С. 32-63.